

УДК 796.01:130.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-2-0

Сидоренко А. А. | Уязвимость как условие спортивной телесности

Спортивная школа олимпийского резерва по боксу,
г. Белгорода, ул. Н. Чумичова, д. 30б, 308009, Россия;
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
Sidorenko-sashunya@internet.ru

Аннотация. В статье обосновывается понимание уязвимости спортивного тела. Уязвимость рассматривается не как дефицит силы или внешний предел спортивного достижения, а как условие формирования телесной способности, в рамках которой тело может обучаться, координировать движение и превосходить привычный уровень именно потому, что оно открыто воздействию, изменяется во времени и зависит от других. Методологическую основу исследования составляют феноменология воплощенности, реляционная онтология тела, философская антропология и критическая социология спорта. Выделяются три взаимосвязанных измерения уязвимости: реляционное, обусловленное формированием способности в контакте со средой и другими; временное, связанное с необратимостью телесной истории; нормативное, возникающее, когда необходимая спортсмену институциональная поддержка превращается в средство давления. Боль интерпретируется как кризис практического доверия к телу, а смертельный риск как граница инструментального отношения к телу. Обосновывается, что гуманный спорт должен не устранять уязвимость, а создавать условия для информированного решения, реальной возможности отказа и сохранения достоинства спортсмена независимо от его результата.

Ключевые слова: воплощенность; телесная уязвимость; реляционность; практическое доверие; спортивный риск; телесная способность; достоинство; гуманизм спорта

Для цитирования: Сидоренко, А. А. (2026), «Уязвимость как условие спортивной телесности», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 223-228. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-2-0

A. A. Sidorenko | Vulnerability as a Condition of Athletic Embodiment

Belgorod City Olympic Reserve Sports School for Boxing,
30b N. Chumichov St., Belgorod; 308009, Russian Federation;
Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation;
Sidorenko-sashunya@internet.ru

Abstract. The article delves into the concept of the vulnerability of the athlete's body. Rather than being understood as a deficit of strength or an external limit to athletic achievement, vulnerability is considered a condition in which bodily capability is formed. It is a state in which the body can learn and coordinate movement, exceeding its habitual

level precisely because it is open to influence, changes over time and depends on others. The methodological framework combines the phenomenology of embodiment, a relational ontology of the body, philosophical anthropology and the critical sociology of sport. Three interconnected dimensions of vulnerability are identified: the relational dimension, through which capability is formed by interacting with the environment and other people; the temporal dimension, based on the irreversibility of bodily history; and the normative dimension, which occurs when institutional support for athletes becomes a source of pressure. Pain is interpreted as a crisis of practical trust in the body, while mortal risk marks the limit of an instrumental relationship with embodiment. The article argues that humane sport should not seek to eliminate vulnerability, but rather create conditions that allow for informed decision-making and the genuine possibility of refusal without disproportionate sanctions. It should also preserve an athlete's dignity, regardless of their performance.

Keywords: embodiment; bodily vulnerability; relationality; practical trust; sporting risk; bodily capability; dignity; sport humanism

For citation: Sidorenko, A. A. (2026), "Vulnerability as a Condition of Athletic Embodiment", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 223-228. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-2-0

Введение

Перед стартом тело спортсмена обычно не является отдельной темой его внимания. Оно присутствует как готовность к действию, когда дорожка открывается для ускорения, снаряд продолжает движение руки, дистанция считывается в ритме дыхания. Спортсмен не распоряжается телом как внешним инструментом, а существует в ситуации через телесную способность действия. Но достаточно боли, сбоя опоры или непривычной усталости, чтобы эта очевидность исчезла, и то, что только что было возможностью действия, стало источником неопределенности.

Эта перемена позволяет иначе поставить вопрос об уязвимости в спорте и о самом спорте как феномене, поскольку обычно уязвимым называют слабое, недостаточно защищенное или повреждаемое тело. Спорт, напротив, ассоциируется с силой, контролем и преодолением. Уязвимость кажется внешним пределом спортивной телесности и тем, что обнаруживается после неудачи. Тогда как уязвимость присутствует в самой способности тела становиться спортивным. Тело обучается, потому что может быть изменено повторением. Оно координирует движение, потому что открыто среде и другим телам. Оно превосходит привычный уровень, потому что не завершено и способно отвечать на новое требование. Но изменение может стать повреждением, открытость – зависимостью, а незавершенность – необратимой утратой прежней возможности. Следовательно, сила и ранимость имеют общее основание в способности тела быть измененным, как позитивно, так и негативно.

Тело способное и тело уязвимое

В профессиональном спорте тело неизбежно приобретает инструментальную ценность. Л. Вакан показывает на материале бокса, как телесный навык становится трудом, капиталом и основанием социального положения (Wacquant, 1995: 68-70). Эта перспектива объясняет, почему травма угрожает не только здоровью, но и профессии. Однако понятие капитала начинает анализ с уже сформированной способности, оно не объясняет, как тело научилось различать момент удара, удерживать дистанцию и отвечать без предварительного расчета. Феноменология М. Мерло-Понти начинается с более первичного опыта. Тело является не

объектом, которым располагает сознание, а способом присутствовать в мире (Merleau-Ponty, 2012: 84, 139, 204). Спортивное движение особенно ясно подтверждает эту мысль. Опытный игрок воспринимает не совокупность координат, а свободную зону; бегун слышит в дыхании не физиологический показатель, а возможность удержать темп. Знание действия существует в позе, ритме и телесной схеме раньше, чем становится суждением.

Феноменологические исследования спортивного опыта показывают, что дыхание, усталость, поверхность, дистанция и движение других образуют единую переживаемую ситуацию (Allen-Collinson, 2009: 284-291). Поэтому способность не заключена внутри организма. Она возникает в отношении тела к миру. Бег возможен не вообще, а на определенной поверхности и в освоенном ритме; удар возможен в отношении к снаряду и сопротивлению; командное действие – к движениям партнеров. Изменение отношения изменяет и саму способность. И в такой перспективе связь силы и уязвимости становится понятнее. Если способность является отношением, то она зависит от условий, которые не принадлежат спортсмену полностью. Плохая опора, чужое движение, изменение инвентаря или решение тренера затрагивают не внешнюю оболочку навыка, а сам способ действовать. Неуязвимым могло бы быть только тело, которое ничего не воспринимает и ни с чем не вступает в отношение. Но такое тело не могло бы стать спортивным.

В спорте начало такого отношения к телу формируется в ходе тренировки, которая часто описывается как индивидуальное совершенствование, однако даже одиночная дисциплина формируется в поле других. Тренер задает различие правильного и ошибочного, партнер поддерживает ритм, соперник открывает непредвиденное требование, а правила делают одни действия возможными и запрещают другие. Спортсмен становится способным не вопреки зависимости, а через нее. Ж.-Л. Нанси позволяет придать этой зависимости онтологический смысл. Тело открыто контакту и не замыкается в собственности сознания (Нанси, 1999: 37-42). Спортивное тело предельно экспонировано, ориентировано вовне. Его движение прочитывается соперником, оценивается судьей, корректируется тренером, поддерживается командой и меняется сопротивлением среды. Даже телесная уверенность складывается из повторяющихся подтверждений, приходящих через взаимодействие.

Пока тело действует привычно и спортсмен направлен на задачу, а не на отдельные органы, само взаимодействие не становится проблемой. Д. Ледер описывает это как относительное исчезновение тела из внимания, когда оно присутствует именно тем, что не требует постоянного наблюдения (Leder, 1990: 69-76, 84). Боль нарушает эту структуру. Колено перестает быть незаметной опорой и становится тем, что нужно проверять перед каждым шагом, а плечо выводит внимание из траектории к возможному повторению повреждения. Поэтому боль для спортсмена означает больше, чем интенсивность неприятного ощущения. Она меняет отношение между намерением и действием. Спортсмен может знать, что движение технически возможно, но не доверять телу в момент опоры или контакта.

Спортивная культура стремится классифицировать этот вопрос и управлять этим сбоем доверия. В результате одни ощущения признаются обычной ценой нагрузки, другие – симптомами травмы, и важно их различать. Х. Никсон показывает, что принятие боли поддерживается ожиданиями спортивного окружения (Nixon, 1993: 190-194). Р. Хьюз и Дж. Коукли называют позитивной девиацией ситуацию, когда чрезмерная верность спортивной этике делает самоповреждение морально одобряемым (Hughes and Coakley, 1991: 309-312). Но культурное значение не отменяет материального повреждения. Тело способно сопротивляться решению продолжать, и именно это сопротивление не позволяет свести уязвимость к дискурсу. Боль одновременно телесна, переживаема и социально интерпретируема. Ее философский смысл состоит в том, что она обнаруживает расхождение между телом-проектом – собственным и тренера, команды – и телом, которое имеет собственную причинность и предел.

При этом последним горизонтом уязвимости является смерть. Спорт выражает радость движения, интенсивность жизни и желание расширить возможное, но в некоторых дисциплинах приближение к пределу включает реальный смертельный риск. И. Йирасек называет смерть в спорте философским парадоксом, поскольку практика, ориентированная на жизненную полноту, может включать притяжение к разрушению (Jirbsek, 2026: 108-109, 120-122). И этот парадокс нельзя разрешить простым запретом риска. Свободно принятая опасность может иметь смысл испытания, самопознания и верности избранной практике, что достаточно позитивно, а устранение всякой уязвимости сделало бы невозможным значительную часть спортивного опыта, лишив его не только риска, но и преодоления привычных границ. Но столь же ошибочно считать любой риск выражением свободы. Решение формируется внутри рынка, медиа, командной лояльности и неравного доступа к информации. Само представление о допустимом также во многом является конструктом, в том числе созданным предшествующими спортивными достижениями.

Х. Плеснер описывает человека как существо эксцентрической позициональности, возникающей в двойственном отношении к себе как внутреннему и внешнему (Plessner, 2019: 271-273). Спорт радикализирует эту двойственность. Спортсмен переживает движение изнутри, но также измеряет тело и строит его как проект. Смертельный риск показывает границу дистанции, когда тело нельзя окончательно поставить перед собой как ресурс, потому что утрата тела не оставляет субъекта, который мог бы воспользоваться результатом. Поэтому этическая оценка должна касаться не только величины вероятности, но и условий решения. Были ли последствия понятны? Существовала ли реальная возможность отказа? Кто получал выгоду, а кто нес необратимые последствия? Поддерживалась ли способность изменить решение? Эти вопросы переводят риск из абстрактного свойства дисциплины в отношение между воплощенной свободой и институтом.

В результате можно говорить о том, что временная уязвимость присуща спортивной телесности как таковой. Нормативная уязвимость возникает не автоматически, а при определенном устройстве зависимости. Спортсмен нуждается в тренере, партнерах, медицине, инфраструктуре и признании. Эти отношения могут расширять способность, но могут также превращать необходимую поддержку в средство давления.

Помимо этого, уязвимость проблематизируется через телесную открытость другим, когда решения окружающих входят в его способность действовать. Поскольку телесная история необратима, ошибочное решение оставляет последствия, которые нельзя свести к одному старту. Институционально организация распределяет доступ к информации и участию, она способна сделать отказ слишком дорогим. Нормативная проблема возникает в месте **соединения этих трех условий. Можно предположить, что коррекция этих аспектов** может сделать уязвимость более явной и контролируемой. Например, воплощенный гуманизм К. Аггерхольма предлагает оценивать спорт из перспективы человеческой неоднозначности, повторения и телесного существования, а не только правила или результата (Aggerholm, 2025: 5-16). Такая перспектива не требует отказаться от трудного достижения, а предлагает различать самопревосхождение и превращение человека в заменимый носитель функции.

Соответственно, можно рассмотреть четыре возможных признака гуманного спортивного института. Прежде всего, спортсмен должен получать как можно более полную и понятную информацию о риске, участвовать в определении допустимого воздействия и иметь возможность отказаться или изменить решение без несоразмерной санкции, а также получить поддержку при негативных последствиях независимо от способности вернуться к прежнему результату. Эти признаки не устраняют уязвимость, но и не позволяют зависимости от нее стать максимально негативной. В философско-антропологическом смысле в такой трактовке концепт уязвимости приобретает собственные видимые границы. Возникает

страховка от романтизации, в результате боль не становится благом только потому, что раскрывает конечность достижений. Спортсмен также боится от позиции пассивной жертвы. Современные исследования психологии травмы показывают множественность реакций, стратегий восстановления и форм агентности (Tranaeus et al., 2024: 1740-1746). Вектор гуманизации уязвимости – в сохранении возможности риска и достижения, без создания непризнанной жертвы условием принадлежности к спорту.

Заключение

Исходный парадокс состоит в том, что спортивная сила и телесная уязвимость не исключают, а предполагают друг друга. Тело становится спортивным благодаря способности изменяться под воздействием тренировки, отвечать на среду и вступать в отношения с другими телами. Та же открытость, взятая с другой стороны, делает возможными боль, повреждение и несправедливую зависимость. Поэтому уязвимость не появляется после краха способности, а уже присутствует в самом ее формировании.

Феноменологическая оптика позволила нам описать это единство на уровне опыта спортсмена. Пока движение удается, тело не выступает отдельным объектом и присутствует как практическая возможность действовать. Боль нарушает эту прозрачность, что проявляется, когда опора или движение перестают подразумеваться, а спортсмен вынужден заново соотносить намерение с возможностями тела. Боль тем самым является не только симптомом, но и кризисом практического доверия. Однако значение боли не задается одним субъективным ощущением, спортивная культура классифицирует ее как допустимую цену нагрузки или как основание для прекращения действия.

В результате временное и нормативное измерения уязвимости образуют не перечень свойств, а единую структуру. Способность возникает в отношении с миром и другими; это отношение изменяет тело и становится его необратимой историей; а зависимость от тренера, медицины и спортивной организации определяет, насколько сам спортсмен участвует в решениях о собственном риске. Именно в этой точке онтологическая уязвимость, которую нельзя устранить, отличается от нормативно усиленной уязвимости, производимой неравным распределением информации, выгод и последствий.

Предельный случай этого различия обнаруживается в смертельном риске. Спорт нельзя лишить всякой опасности, не лишив его опыта испытания и самопреодоления. Но опасность становится выражением свободы лишь при условии, что последствия понятны, отказ реально возможен, а решение может быть изменено. Смертельный риск также показывает предел инструментального отношения к телу. Его нельзя окончательно превратить в ресурс, поскольку утрата тела устраняет и самого субъекта, который мог бы воспользоваться результатом.

Отсюда следует, что гуманный спорт не должен обещать неуязвимость или подменять заботу о спортсмене запретом всякого риска. Его задача – не устранить телесную открытость, а не позволить зависимости от спортивного института превратиться в эксплуатацию. Для этого спортсмену необходимы понятная информация о риске, участие в определении допустимого воздействия, возможность отказа без несоразмерной санкции и поддержка после негативных последствий. В этих условиях достижение остается самопревосхождением воплощенного субъекта, а не результатом, ради которого человек может быть заменен.

Литература

References

Нанси, Ж.-Л. (1999), *Corpus*, пер. с франц. Петровская, Е. и Гальцова, Е., Ad Marginem, Москва. EDN: SYVMKV

Nancy, J.-L. (1999), *Corpus*, Translated from French by Petrovskaya, E. and Galtsova, E., Ad Marginem, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: SYVMKV

Aggerholm, K. (2025), "Sport humanism: contours of a humanist theory of sport", *Journal of the Philosophy of Sport*, 52(1), 1-24. DOI: 10.1080/00948705.2024.2388775

Allen-Collinson, J. (2009), "Sporting embodiment: Sports studies and the (continuing) promise of phenomenology", *Qualitative Research in Sport and Exercise*, 1(3), 279-296. DOI: 10.1080/19398440903192340

Hughes, R. and Coakley, J. (1991), "Positive deviance among athletes: The implications of overconformity to the sport ethic", *Sociology of Sport Journal*, 8(4), 307-325. DOI: 10.1123/ssj.8.4.307

Jir6sek, I. (2026), "Death in sport: a philosophical paradox of existential modes of necrophilia and biophilia", *Journal of the Philosophy of Sport*, 53(1), 108-123. DOI: 10.1080/00948705.2026.2615774

Leder, D. (1990), *The Absent Body*, University of Chicago Press, Chicago, USA.

Merleau-Ponty, M. (2012), *Phenomenology of Perception*, Routledge, London, UK.

Nixon, H. L. (1993), "Accepting the risks of pain and injury in sport: Mediated cultural influences on playing hurt", *Sociology of Sport Journal*, 10(2), 183-196. DOI: 10.1123/ssj.10.2.183

Plessner, H. (2019), *Levels of Organic Life and the Human: An Introduction to Philosophical Anthropology*, Fordham University Press, New York, USA.

Tranaeus, U., Gledhill, A., Johnson, U., Podlog, L., Wade, R., Wiese-Bjornstal, D. and Ivarsson, A. (2024), "50 years of research on the psychology of sport injury: A consensus statement", *Sports Medicine*, 54(7), 1733-1748. DOI: 10.1007/s40279-024-02045-w

Wacquant, L. J. D. (1995), "Pugs at work: Bodily capital and bodily labour among professional boxers", *Body & Society*, 1(1), 65-93. DOI: 10.1177/1357034X95001001005

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Сидоренко Александр Андреевич, аспирант кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015, г. Белгород, Российская Федерация; тренер, Спортивная школа олимпийского резерва по боксу г. Белгорода, ул. Н. Чумичова, д. 30б, 308009, Российская Федерация; Sidorenko-sashunya@internet.ru

ORCID ID: 0009-0005-0402-5250

ABOUT THE AUTHOR:

Aleksandr A. Sidorenko, PhD Student at the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; Coach, Belgorod City Olympic Reserve Sports School for Boxing, 30b N. Chumichov St., Belgorod; 308009, Russian Federation; Sidorenko-sashunya@internet.ru

ORCID ID: 0009-0005-0402-5250